

Кудьтура. 2002. -
8-14 авт. - с. 16

Противно, что старая, но кляча – это точно про меня

“Люся, стоп!”. Людмила Гурченко и ее новая книга

мужчины в интересах их общего правого дела и женской солидарности. И произнесет убийную фразочку так, как умеет это делать Гурченко: “Лучше с незнакомым в машине, чем ни с кем и никогда”. Одна из последних серьезных ролей в кино. Их сегодня почти нет. Ей особое внимание на страницах книги, а через роль – о собственной жизни, своих потерях. Людмила Марковна перед выходом фильма сказала, что ей почему-то всегда выпадают роли женщин, которые поразительно легко, в отличие от реальной актрисы и женщины по фамилии Гурченко, находят общий язык с мужчинами. Достаточно открыть “Люсю, стоп!”, чтобы понять, какой ценой дается женское счастье, причем не одной лишь Гурченко. Героиня “Старых кляч” – известная профурсетка, хоть и на пенсии. Подкрасится, приоденется, встрепенется и пойдет воевать за свое право на место под солнцем. Это credo многих ее героинь. Работодатель скажет Лизе: “Ты старая уже совсем, а танцуешь, как Майкл Джексон. Не танцуй, а торгуй!” Но не танцевать она не может, даже если на проволоке.

Актриса скажет об этой своей работе не в книге, но после выхода картины: “Было ощущение свободы. Не боялась и не стеснялась ничего: ни морщин, ни беззубья, ни седой головы. Рязанов даже умудрился раздеть меня в кадре. Потихоньку растегивал и подвел аккуратно к довольно смелой сцене. Раньше так свободна я не была. Может быть, поздновато пришло это ощущение. Просто я знала, на что иду. Само название “Старые клячи” о многом говорит. Режиссер рассказывал мне о моей героине так: “Она профукала свою жизнь и осталась одна”. В книге актриса напишет: “...ей-богу, противно, что “старые”, но то, что “кляча”, это точно про меня”.

К книге “Мое взрослое детство” припали сотни читателей, обсуж-

Л. Гурченко

давших потом перипетии судьбы актрисы на улицах, на работе, в транспорте. Такого массового чтения тем более мемуарной, биографической литературы теперь и в помине нет, даже если это скандальные записки из жизни знаменитостей. “Люся, стоп!” вряд ли грозит нечто подобное. Слишком время изменилось, и люди тоже. Собственно про то и речь в “Люсе...”.

Гурченко всю жизнь хотела высказаться. И жаждала работы. Всю жизнь вкалывала, ни на кого не надеясь. Результат ее труда попадал в поле зрения многих людей и вызывал самую непредсказуемую реакцию. К Гурченко относятся по-разному: любят, не выносят, уважают, удивляются ее творческой неуемности, говорят, что может хватить уже вкалывать, пора бы успокоиться, многих она просто бесит, иногда даже непонятно почему. “Вас ведь никто не любит, кроме народа”, – такую фразочку актрисе доводилось слышать и сама она иной раз склонна так считать. В предисловии к книге она делает обращение: “Дорогой мой народ! Дорогие зрители. Зрите-

ривает силы на Бог знает что. Ей предъявляют прямо противоположные счета, всякий раз припоминают харьковский акцент, словно у других его нет. Прошлым попрекают немногих, а Гурченко почти всегда. Ее родной город Харьков так просто стал притчей во языцех. Может оттого, что сама актриса не устаёт повторять, откуда она родом, из какого детства и поры, в “Люсе, стоп!” в том числе.

На мой провокационный вопрос о том, что существует такое мнение, а вернее предубеждение, что Гурченко, будучи серьезной драматической актрисой, снимавшейся у Германа и Михалкова, разменивается на всякую ерунду, стала настоящей шоу-вумен, Эльдар Рязанов ответил так: “Подобные утверждения смешны. Можно тогда спросить и о том, зачем поэт Лайза Миннелли, ведь ее дело играть? Людмила Гурченко одарена невероятно. Она – и комедийная, и драматическая, и музыкальная, и танцевальная актриса. Нельзя загонять артиста в строго определенные рамки. Ведь если рассуждать так узко, как вы говорите, то тогда и Микеланджело, и Леонардо да Винчи не имеют права на то существование, которое им было свойственно. Они были многогранны и проявили свои таланты в самых разных областях жизни и искусства. Я даже не понимаю самой постановки вопроса. Получается, что Гурченко играет драматические роли, как шансонетка, что ли? Так это неправда. В новом мюзикле “Мадлен, спокойной!” она играет актрису музыкально-танцевального жанра, но это драматическая роль, хотя Людмила Марковна и создает образ именно того типа актрисы, который там и должен быть. Профессия накладывает сильный отпечаток на жизнь и на поведение человека все это есть в ее Мадлен. Да, она играет у Германа и у меня в “Старых клячах”. Что там эстрадного, я не знаю. Людмила Гурченко – актриса полифоническая. Может многое. И во всех своих проявлениях и качествах великолепа. Естественно, ей нужен режиссер, помощник, направляющий. Были фильмы, где она играла хуже, и там, как правило, ей попадался слабый режиссер. При том, что ей даны музыкальность, драматизм, комедийность, она еще и очень умная. Сама все прекрасно понимает про себя и про других”.

“Люся, стоп!” – о жизни, которая сплошная боль и беспокорство. Согласно ей, существование актрисы – это борьба, “изматывающая, где бьют ниже пояса, подставляют подножку, улыбаются, ненавидят”. Гурченко приводит фразу актера Бориса Андреева: “Трудно придумать душу более одинокую, чем артист”. Упал, поднялся, стал закаленным, и

вот уже опять готов к бою. “Опасная профессия актрисы. Надо уметь проваливаться”. Гурченко скажет, что нечто подобное тому, что она написала, ей бы прочитать в начале пути. Об истинной каждодневной жизни артиста никто не говорил, на горизонте маячило светлое будущее.

О Гурченко приходится слышать всякое. Да, она – работоспособная до фанатизма, требовательная, не опаздывает ни на минуту, послушная, но и своенравная при этом, закрытая, высокомерная, способная довести группу до состояния кипения. Ей молва приписывает инфаркт Петра Тодоровского. Будто бы именно она довела режиссера на съемках “Любимой женщины механика Гаврилова” до больничной койки. Даже если все это досужие разговоры, сам факт их существования о чем-то да говорит. То, что с Гурченко непросто, неспокойно, – хорошо известно. Она ведь и к себе предъявляет гамбургский счет, и к другим, но кое к кому его и предъявлять-то нельзя, не тот масштаб, а она словно бы забывает об этом.

В нынешнее время актеру, пожалуй, совсем уж нельзя полагаться на одно лишь кино. Это ненадежный спутник. Театр – все же более или менее верное пристанище. Во всяком случае, его можно было бы держать про запас, хотя бы на черный день. Но Людмила Гурченко выбрала путь блуждающей звезды, самостоятельную дорогу и не зависит ни от кого. Одиночка. Сама себе хозяйка.

Теперь ее ведет по жизни Сергей Сенин – муж и продюсер. В книге Гурченко постоянно упоминает его имя, называя Сергеем Михайловичем. Это он создавал спектакль “Мадлен, спокойной!” проект “Прощай, XX век!” – шоу в концертном зале “Россия”, показанное потом по телевидению и оставшееся на компакт-диске, где Гурченко пела. Сергей Сенин сначала стал известен в кинематографической среде как молодой муж Гурченко. Отношение к нему было соответствующим. Рассказывали, как он появлялся со своей знаменитой женой на съемочной площадке, это раздражало, как он не зовет ее к телефону, все взял в свои руки. Теперь говорят о том, что наконец-то в жизни Людмилы Марковны появился человек, способный по-настоящему помогать и вести по жизни, впервые за много лет, а не присасываться к ее таланту.

Несмотря на то, что Людмила Гурченко на виду не первый год, о ее личной жизни известно не так уж и много, во всяком случае, до выхода “Люси, стоп!” многое оставалось под завесой тайны. На страницах газет и журналов разного толка ее мужей не считают. Разве что иногда мелькнет вдруг статейка о непростых от-

ношениях актрисы со взрослой дочерью, с которой она якобы судится из-за квартиры. Дела личные обсаивают по косточкам тогда, когда в творчестве мертвый штиль. Гурченко, по счастью, таких забот лишена. Поэтому странно, что в своей новой книге она столько внимания уделяет своим взаимоотношениям с прессой (“Все, кто имеет диктофон, – все журналисты и критики”). Пишет о том, что не было ни одного профессионального разбора спектакля с ее участием “Бюро счастья”, что в журналистику приходят люди случайные и самоуверенные. Сама Гурченко в своей новой книге написала достаточно подробно и откровенно о своих семейных обидах и радостях: отцу, как обычно, – особое внимание, он любимый, единственный, светлая ему память, не все радужно в отношениях с мамой и дочерью Машей, и тем более с бывшими мужьями. И тут же безоблачные снимки, на них – счастливые лица: “Машеньке 3 месяца”, “Мои любимые родители”, “Мой первый жених Семочка”... Потеря внука Марка – страшная глава, безысходная. “Много небылиц, слетен... Лучше я сама напишу” – предварт актриса свои откровенные страницы, а потом, ближе к финалу, скажет о том, как не просто жить, когда вокруг столько желающих по-своему оценить поступки, внезапно выскочившие слова. И как рефрен: “Было время, когда люди ничего не имели, кроме друг друга. У них ничего, ну абсолютно ничего не было, а они были счастливыми”, “Иногда по утрам я просыпаюсь с мыслью, что мое детство проходило на другой планете. Неужели мне только казалось, что любовь, верность, преданность, незыблемая вера в идеалы справедливости и папина доброта – это лишь “атрибуты”, присущие определенному времени. Времени Прошедшему?”

Сама прошлого не предаст. Как-то в Доме Ханжонкова отмечали юбилей некогда могущественного человека, а к тому времени уже пенсионера и экс-министра кинематографии Филиппа Ермаша. Большой чиновник не у дел, забыт и никому не нужен. Народу собралось мало: несколько стариков да близких родственников. Пришла и Людмила Гурченко. Поздравила – красиво и просто вышла на сцену, произнесла хорошие слова, без пафоса, не дежурно. На банкет не осталась. Иных звезд равной величины на том вечере замечено не было. Вслед ей прозвучало: “Хорошо выглядит. Да она всегда хорошо выглядит”. “Я персонаж. Я актриса” – это из книги. И зрителю нет дела до настроения актрисы.

Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ